

maestro
of detective

ЧИНГИЗ

Абдуллаев

НА СТОРОНЕ БОГА

Дронго

Чингиз Абдуллаев

На стороне бога

«PEN-клуб»

2000

Абдуллаев Ч. А.

На стороне бога / Ч. А. Абдуллаев — «PEN-клуб»,
2000 — (Дронго)

Его новое дело началось вполне невинно – на уютной вилле собралась компания людей из мира искусства. Никто не ожидал, что дружеская встреча завершится таинственным убийством... и что за первым убийством последует второе. Как же раскрыть секрет преступлений, не выглядевших ни мотивированными, ни серийными? Он понимает – связь между убийствами существует. И корни этой связи лежат где-то в прошлом. Но – в прошлом ли жертв? Убийцы? Или УБИЙЦ?..

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	11
Глава третья	16
Глава четвертая	23
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Чингиз Абдуллаев

На стороне бога

«Сведенборг пишет, что ни ангелы, ни демоны не были созданы Богом такими, какие они есть. Ангелы – это люди, возвысившиеся настолько, что стали ангелами, демоны – люди, павшие столь низко, что стали демонами. Таким образом, и рай, и ад населены людьми, ставшими ангелами и демонами. Итак, к умершему приходят ангелы. Бог никого не приговаривает к аду. Бог хочет, чтобы спаслись все люди. Но в то же время Бог предоставляет человеку свободную волю, эту страшную привилегию, дающую возможность заточить себя в аду или заслужить рай».

Хорхе Луис Борхес. «Думая вслух»

Глава первая

В этих местах можно слушать тишину. Закрыв глаза и подставив лицо уходящему за набегавшие тучи солнцу, он сидел в небольшом лесу и наслаждался тишиной. Он редко позволял себе выбирать в подобные места. Но на этот раз его уговорил Вейдеманис, который приехал отдыхать в горы после операции. Эдгар Вейдеманис считал Дронго не просто своим спасителем, но и своеобразным духовным наставником, который протянул ему руку помощи в самый тяжелый момент жизни.

В прошлом году у Вейдеманиса врачи обнаружили рак правого легкого. Только срочная операция могла спасти несчастного. Если учесть, что в этот момент за ним охотились сразу две враждующие группировки, то шансов остаться в живых у него почти не было. Однако в самый последний момент рядом с ним оказался Дронго, который не только сумел спасти бывшего сотрудника Первого главного управления КГБ, но и настоял на сложной операции.

В онкологическом центре врачам удалось сделать почти чудо. Они вырезали Вейдеманису правое легкое и прооперировали бронхи. В результате он потерял голос и мог говорить только хриплым шепотом. Однако остался в живых и теперь приехал вместе с Дронго, уговорив его провести несколько дней в горах.

Вейдеманис был ровесником Дронго. Они оба были люди сложной судьбы, которая выпала на долю многих мужчин, родившихся в бывшей огромной стране и предпочитавших оставаться порядочными людьми, несмотря ни на какие сложности.

Дронго сидел здесь около получаса. Несмотря на раннее утро, солнце уже успело спрятаться за облака, и набегавшие тучи сулили дождливую погоду. Он посмотрел на небо и улыбнулся: ему нравилась любая погода, кроме сильных холодов, которых он не выносил. Внезапно за спиной он услышал веселые голоса. Дронго обернулся. Молодой человек и две его спутницы стояли над обрывом и оживленно разговаривали. Они не видели сидевшего внизу Дронго.

– Я не могу больше выносить его хамства, – жаловался молодой человек. – Он вечно всем грубит, ругается. А вчера, когда я увидел, как он обращается с Катей, я чуть его не ударил.

– Не нужно, Сергей, – попросила одна из незнакомок. – Он всегда был очень требовательным. Даже говорят, что сейчас он стал лучше.

– Это точно, – сказала другая женщина. У нее был более уверенный голос. – Раньше он был совсем другой, сейчас немного постарел и сдал, особенно после третьего развода.

– Ничего себе сдал! – возразил Сергей. – Я представляю, каким он раньше был. Если он будет снова орать на Катю...

– Ничего, ничего, – перебила его Катя, – я уже привыкла...

– Что значит привыкла? – возразил Сергей. – Он ведь знает, что ты пережила, и он должен относиться к тебе по-другому.

– Вопросы этики не для него, – возразила вторая женщина.

Дронго кашлянул, поднимаясь со своего места. Голоса сразу замерли. Он легко выпрямился, повернулся и, обойдя овраг, вышел к незнакомцам. Молодой человек шагнул к нему и нахмурился. Очевидно, они не ожидали встретить здесь кого-то. И хотя в районе было спокойно, тем не менее встреча в горах с неизвестным мужчиной заставила их насторожиться.

– Добрый день, – вежливо поздоровался Дронго. – Кажется, вы недавно приехали?

– Да, – строго ответил молодой человек. Ему было лет двадцать пять. Высокого роста голубоглазый шатен. Дронго казалось, что он где-то видел этого красивого незнакомца. Две его спутницы также испуганно молчали, словно ожидали всяческих неприятностей от неожиданной встречи.

Одной из них было лет тридцать пять – сорок. Короткие каштановые волосы, подстриженные, очевидно, совсем недавно. Большие красивые голубые глаза, мягкие черты лица, чуть курносый нос. В глазах – некая растерянность, которая бывает у женщин, внезапно столкнувшихся с неожиданным явлением. Светлый брючный костюм выгодно подчеркивал ее формы. Ее подруга была немного моложе. Длинные светлые волосы обрамляли лицо с более резкими чертами и несколько вытянутым носом. Однако глаза у второй женщины были миндалевидные – очевидно, она имела среди своих предков азиатов. При этом Дронго опять показалось, что он где-то видел одну из них.

– Извините, – сказала первая женщина. – Мы не знали, что вы здесь отдыхаете.

– Вы мне не помешали, – улыбнулся Дронго. Он вспомнил, где именно видел это лицо. – Вы, очевидно, приехали в составе киногруппы?

– Да, – улыбнулась в ответ женщина, – наша съемочная группа приехала вчера вечером. Мы остановились в доме отдыха кинематографистов.

– Я вас узнал, – сказал Дронго. – Кажется, вы недавно снимались в одном телесериале. Не помню названия, я не люблю детективов, но я запомнил ваше лицо. Простите, что не знаю вашего имени.

– Наталья. Наталья Толдина.

Дронго, наклонившись, галантно поцеловал протянутую руку.

– Сергей Буянов, – представился молодой человек.

– Катя Шевчук, – мягко сказала их спутница, протягивая руку.

Дронго пожал ей руку, но целовать не стал, только улыбнулся еще раз.

– Дронго, – представился он, называя свою привычную кличку.

– Как вы сказали? – заинтересовался Буянов. – Дронго?

– Дронго, – повторил он. – Меня так называют достаточно давно, и я уже к этому привык.

– Странно, – прошептал Буянов.

– Я не могла слышать ваше имя в Москве? – спросила Толдина.

– Не думаю, – ответил Дронго, – хотя у югославов есть имя Дранко, и оно довольно популярно.

– Мы должны идти, – напомнил Буянов своим спутницам.

– До свидания, господин Дронго, – сказала Толдина, снова протягивая руку. На этот раз он ее пожал. Встретить в горах столь галантного почитателя своего таланта женщине было особенно приятно.

Они повернули в сторону дороги. Ни один из четверых даже не мог предположить, что уже сегодня вечером здесь произойдет убийство и нынешний день окажется последним в жизни одного из них. Дронго повернулся и пошел к дороге. Там уже ждал Вейдеманис. Он был в кроссовках, джинсах, спортивной куртке.

– Ты их видел? – спросил Вейдеманис. – Приехали артисты из Москвы?

– Конечно, видел. У них тут съемки?

– Да, им разрешили здесь снимать. Они остановились в доме отдыха кинематографистов. Говорят, что приехала сама Наташа Толдина, заслуженная артистка республики. Ты ее наверняка видел по телевизору.

– Может быть, – равнодушно сказал Дронго.

Они гостили в санатории местного шелкового комбината. Кроме них, в санатории оставались лишь две семьи, приехавшие из Рустави. Грузинская граница была совсем недалеко, и сюда иногда приезжали отдыхать гости из соседней Грузии.

Вейдеманису тяжело было идти в гору, и Дронго сбавил ход, чтобы излишне не утомлять приятеля. Они медленно поднимались к санаторию, когда мимо проехали две черные «Волги», спешившие, очевидно, туда же. Чуть выше санатория находилась правительственная резиденция, называемая Мархалом.

Одна из машин остановилась, и из нее вышел местный руководитель, знавший Дронго в лицо.

– Ассалам алейкум, – приветливо поздоровался он. – Почему вы остановились в санатории? Мы могли заказать для вас места на Мархале.

– Ваалейкума салам, – ответил Дронго. – Ничего страшного нет. Мы все равно через два дня уезжаем.

– Приехали наши таджикские гости, – сообщил местный руководитель. – Завтра вечером мы даем банкет в их честь. Просим вас быть на Мархале вместе со своим другом.

– Спасибо, – поблагодарил Дронго. Он взглянул на небо. – Кажется, пойдет дождь.

– Не дождь, – возразил его собеседник. – Метеорологи сообщили, что будет ураган. Очень сильный дождь и ветер. Мы боимся, что может начаться сель. Поэтому высылаем наших людей по всему району. А тут еще эти артисты приехали из Москвы. Не забудьте – завтра вечером у нас банкет, – напомнил он на прощание.

Когда автомобиль отъехал, Вейдеманис спросил у Дронго:

– О чем вы говорили?

– Ты видишь – надвигаются тучи. Он сообщил, что ночью будет ураган. Нужно предупредить наших грузинских соседей, чтобы никуда не уходили. Хотя этот район, кажется, одно из немногих спокойных мест на Кавказе.

– Вот именно, – мрачно согласился Вейдеманис, – во многих местах давно забыли о спокойной жизни.

На Кавказе уже полтора десятка лет шли перманентные войны, регион был насыщен оружием, и многие области создавали собственные правительства и даже собственные страны. Казалось, что Кавказ провалился в семнадцатый или восемнадцатый век с удельными князьями, многочисленными государствами, враждующими друг с другом, и сепаратистами, не признающими власти собственных правителей.

Однако, несмотря на подобную вакханалию беззакония, на Кавказе еще оставались места, которые можно было назвать островками стабильности. В некоторых районах местные власти изо всех сил пытались удержаться в двадцатом веке, противопоставляя анархии, безумию, национализму и бандитизму стратегию собственной стабильности.

Таким местом на Кавказе был Шекинский район Азербайджана. Расположенный на севере республики, в южных предгорьях Большого Кавказа, он умудрился пережить все потрясения последних лет, внешне почти не меняясь и не реагируя на невероятные перемены, происходившие в республике и бывшей стране.

В двадцати пяти километрах от города, на востоке, начиналась граница с Дагестаном, где не так давно шли ожесточенные бои. В ста километрах к югу находился Нагорный Карабах, ставший ареной ожесточенного азербайджано-армянского столкновения, в котором погибло столько людей и с трагедии которого начался распад некогда великой страны. В сорока кило-

метрах на запад находилась соседняя Грузия. Во время гражданской войны в соседней стране сюда переехало несколько семей, спасаясь от бедствий, связанных с военными событиями. Они внесли в упорядоченную жизнь города определенную тревогу, но все довольно быстро успокоилось.

Дважды во время переворотов в Баку в городе наблюдалось некоторое волнение. Каждый раз собравшиеся горожане обсуждали, чем закончится противостояние в столице, и каждый раз приходили к выводу, что ничего хорошего ожидать не стоит. В общем, так всегда и получалось. Любые изменения не улучшали жизнь обычных людей, но они уже привыкли к неспешному течению собственной судьбы и не обращали внимания на изменения, происходившие в столице.

Город Шеки был знаменит на Кавказе своими острословами и юмористами. Если болгарский город Габрово был известен на всю Европу, то и Шеки также прославился анекдотами и поговорками про местных жителей. Кроме того, здесь любили отдыхать многие знаменитости, прибывавшие на Кавказ.

В Шеки до сих пор вспоминают известного польского писателя, который пробыл в их городе целых три дня, так и не придя в сознание. Воздух в горах и целые батареи спиртных напитков, щедро выделяемых главой местной власти, привели тому, что друг «Римского папы» и хороший писатель так и не понял за три проведенных дня, куда именно он попал. Через три дня его в состоянии глубокого похмелья увезли в Баку, откуда он улетел в Москву.

Сюда любил приезжать и знаменитый шахматный Чемпион, самый молодой Чемпион в истории шахмат. Он родился и вырос в Баку, но иногда приезжал сюда, чтобы послушать тишину в Мархале, расположенном в нескольких километрах от города, на горе.

Наконец, именно здесь был открыт дом отдыха кинематографистов, построенный и функционирующий лишь благодаря энергии руководителя Союза кинематографистов, всемирно известного сценариста, написавшего сценарии к очень известным российским кинофильмам, среди которых есть даже картина, удостоенная голливудского «Оскара».

Среди местных знаменитостей был и Поэт, который давно жил в столице, но никогда не забывал своих земляков. Поэт был известен своими пламенными выступлениями и гневными филиппиками в адрес любой оппозиции. И хотя оппозиции все время менялись, Поэт не изменял своей жизненной позиции, по-прежнему благословляя любую власть и критикуя любую оппозицию, возникавшую в столице.

Словом, это было почти единственное место, где царило относительное умиротворение и спокойствие. Именно поэтому киногруппе из Москвы разрешили проводить здесь съемки, выбрав для них столь экзотическое и спокойное место.

К санаторию Дронго и Вейдеманис подошли, когда начался дождь. Ветра пока не было, но по всему ощущалось, что надвигающийся ураган будет достаточно серьезным. Местные жители, работавшие в санатории, уже договорились, что уйдут отсюда сразу после обеда, чтобы успеть до вечера оказаться дома. Очевидно, и они получили штормовое предупреждение.

Дронго и его напарник пошли в столовую. Дождь усиливался. Они обычно обедали на веранде, но при таком дожде невозможно было даже выйти на веранду. В небольшой столовой на первом этаже уже были накрыты все столы. Дронго удивленно оглянулся. Один стол предназначался для него с Вейдеманисом. За соседними двумя столиками обычно располагались приехавшие гости из Грузии, но сейчас их не было. Остальные два стола, сдвинутые вместе, были предназначены, очевидно, для других гостей.

Испуганная официантка, то и дело оглядываясь на окна, разносила еду. Вейдеманис, сидевший напротив Дронго, спросил:

– Здесь часто бывает такая погода?

– Нет, но иногда случаются сильные наводнения. Хотя штормовые ветры для этой части гор не характерны.

– В таком случае нам повезло, – усмехнулся Вейдеманис. Для него каждый прожитый день после приговора врачей и тяжелой операции был как праздник.

В столовую вошли четверо гостей, приехавших сюда из Рустави. Это были художник Отари Квачадзе с женой Людмилой и инспектор налоговой службы Мамука Сахвадзе со своей супругой Нани. Художник был чуть выше среднего роста. Всегда чисто выбритый, в свежей сорочке, которую менял каждый день, он сильно отличался от тех бородатых художников, которые иногда приезжали в санаторий. Его супруга – высокая, с тонкой почти до невозможности талией – была молчаливой женщиной с библейскими спокойными чертами лица и красивыми голубыми глазами. Дронго еще в первый день обратил внимание, что на руках у Отари и его супруги красивые серебряные кольца-перстни необычной формы в виде двух львов, ласкающих друг друга.

Мамука Сахвадзе, напротив, был подвижным, низкорослым, тучным мужчиной. Плотный, коренастый, всегда смеющийся, с круглым лицом, небольшими, словно нарисованными, усиками, полными руками и ногами, он был словно пушечное ядро с приделанными к нему конечностями. Его супруга была ему под стать. Такая же плотная, небольшая, крепкая. Из их комнаты часто доносился громкий смех.

Вошедшие, усаживаясь за свои столы, приветливо поздоровались с Дронго и его приятелем.

– Говорят, что такой ветер бывает один раз в десять лет, – громко сказал Мамука, обращаясь к Дронго. – Значит, нам повезло – мы увидим необычное зрелище.

Разносившей еду женщине было лет пятьдесят. Она торопилась закончить работу, чтобы успеть к вечеру домой. Вместо нее к ужину должна была приехать ее более молодая напарница. Пожилой повар иногда выглядывал из кухни. У него было плохое настроение. Свежие продукты сегодня не завезли, и, судя по погоде, ему приходилось рассчитывать на имевшиеся запасы, чтобы продержаться до завтрашнего дня.

Они уже заканчивали обедать, когда за окнами послышался шум подъезжавшей машины. И вскоре в столовую под смех и шутки ворвались несколько человек. Дронго узнал в приехавших актеров, которых он встретил полтора часа назад. С ними были еще двое мужчин. Один был совсем молодой человек, очевидно, водитель группы. Он был одет в кожаную куртку. На голове красовалась большая кепка.

Второй мужчина выделялся среди всех остальных. Он был ниже среднего роста, мрачный, задумчивый, с густой копной седых волос. Одет в темную вельветовую куртку, легкие брюки, рубашку. Очевидно, это был режиссер фильма. Войдя в столовую, он прошел к столу и уселся с таким видом, словно чувствовал себя по меньшей мере главой клана, собравшегося вокруг его особы. Дронго незаметно усмехнулся, он часто сталкивался с подобным гипертрофированным отношением к себе у деятелей искусства.

Среди вошедших он увидел и Наталью Толдину. Она оглядела столовую, кивнула Дронго как старому знакомому и прошла к столу, чтобы сесть рядом с режиссером. Напротив них уселись Буянов и Катя Шевчук. На Буянове были джинсы и джемпер, надетый поверх рубашки, на Кате – брюки и светлый джемпер, надетый скорее всего на голое тело. Никто не ожидал, что вчерашний солнечный день перейдет в сегодняшнюю непогоду.

Вошедший вместе с ними водитель почти сразу вышел – очевидно, он собирался проверить свой автомобиль.

– Вы режиссер Семен Погорельский? – восторженно спросил Мамука, когда увидел известного режиссера. Тот степенно кивнул головой, доставая сигареты. У него были красивые холеные усы.

От Дронго не укрылось, что при взгляде на режиссера Толдина чуть поморщилась. Вероятно, ее раздражала его самоуверенность. Но Сахвадзе был в восторге от подобной встречи.

– Сам Погорельский? – всплеснул руками Мамука, подходя к группе приехавших кинематографистов. – Идите сюда, друзья! – позвал он своих земляков. – Мы выпьем за здоровье великого режиссера.

Через мгновение стулья были сдвинуты, и Мамука Сахвадзе уже провозглашал тост за здоровье приехавших. Внезапно за окнами раздался гром, и молнии озарили столовую. Женщины невольно поежились.

– Черт возьми, – довольно громко сказал Буянов, – это, похоже, надолго!

Глава вторая

Погода портилась буквально на глазах. Они не успели закончить обед, когда в столовой появился встревоженный повар.

– Передали штормовое предупреждение, – пояснил он. – Вам нужно переждать на Мархале. У нас легкое строение – может не выдержать. А там каменный дом, прочный, двухэтажный. Звонили из города, просят, чтобы вы переехали туда до вечера. Сейчас приедет их представитель.

– Черт побери! – громко и раздраженно сказал режиссер. – Только этого нам не хватало. Придется возвращаться в дом отдыха.

– Нет, – возразил повар, – дождь усиливается, дорога может оказаться размытой. Лучше, если вы подниметесь вместе с остальными на Мархал. Я тоже поеду с вами.

Повар был пожилым человеком – лет шестидесяти. Полное, рыхлое лицо, пышные усы, мясистые щеки, пухлые губы. Он много лет работал в местном общепите. У повара была большая семья, состоящая из пяти детей и восьми внуков. Гасана Панахова все знали и уважали в районе за его мастерство.

– У нас только одна машина, – раздраженно сказал режиссер. – Мы все в ней не поместимся.

– Здесь недалеко, – успокоил его повар, – несколько минут езды. Там сейчас трое наших гостей и один сотрудник дома отдыха. Их уже предупредили о нашем приезде. Сначала машина отвезет женщин, а потом поедут мужчины.

– И долго мы там будем сидеть? – спросил Погорельский.

– Наверное, до вечера, – ответил повар. – Вы не беспокойтесь: я заберу все продукты, и вы сможете нормально поужинать.

– Я из-за этого не беспокоюсь, – зло заявил режиссер. – Мне жалко потерянного дня!

Он поднялся, раздраженно посмотрел на часы. Сидевшие за столом две грузинские пары также были смущены.

– Всем обязательно нужно ехать? – спросил Мамука Сахвадзе. – Или нам лучше остаться в санатории?

– Не лучше, – ответил повар. – Директора нет, а женщин мы сейчас отпустим. Наш водитель довезет их до реки, оттуда они пойдут пешком. Они живут не в самом городе, поэтому быстро доберутся до дому. А вам лучше отправиться со всеми. Пусть сначала поедут женщины.

– Да, да, конечно, – согласился Мамука, – пусть они едут в первую очередь. А мы подождем.

– Верно, – согласился Отари Квачадзе, – мы можем подняться пешком.

– Ветер усиливается, – возразил повар. – Лучше на машине. Здесь совсем недалеко. Пусть сначала уедут женщины.

Сборы заняли несколько минут. Женщины были уверены, что уже к вечеру вернутся в санаторий, и взяли с собой лишь самые необходимые вещи. Наталья Толдина, Екатерина Шевчук, Людмила Квачадзе и Нани Сахвадзе уселись в машину, и «УАЗ» повез их на вершину горы, чтобы через несколько минут вернуться за остальными. Мужчины остались одни.

– Вы думаете, что ветер может снести наше строение? – пошутил Мамука, обращаясь к повару.

– Нет, – засмеялся Гасан, – но из города требовали, чтобы мы переехали на Мархал. Они боятся за вас: вдруг ветром выбьет какое-нибудь окно и стекло поранит одного из наших гостей.

– Как мы поместимся в машине? – уточнил Буянов.

– Не беспокойтесь, господа, – вмешался Дронго. – Мы с моим другом можем подождать. Пусть водитель сначала отвезет вас.

– Так нельзя, – возразил Отари. – Давайте бросим жребий.

– Вас ждут женщины, – напомнил Дронго, – поэтому вам нужно поехать всем вместе. Вам двоим и представителям киногоруппы. А потом мы поможем нашему повару погрузить продукты и приедем вместе с ним.

– Правильно, – согласился Гасан, и в это время его позвали к телефону.

Он вышел из столовой, когда режиссер достал свой мобильный телефон и попытался набрать нужный ему номер.

– В этих горах и телефоны нормально не работают, – нервно сказал Погорельский через несколько секунд.

– Возьми мой телефон, – протянул ему свой аппарат Мамука, – я звонил сегодня утром в Тбилиси.

– Спасибо, – кивнул режиссер, принимая аппарат. – Хочу предупредить нашу киногоруппу, что мы приедем к вечеру.

Он набрал номер и довольно долго ждал, пока произойдет соединение. Но через некоторое время он уже кричал своему помощнику, объясняя, где именно они находятся. Едва Погорельский закончил говорить, как в столовую вернулся Гасан. У него было озабоченное лицо.

– К нам никто не приедет. Машина должна вернуться в город, – пояснил он, – поэтому нам нужно сделать один рейс и всем поместиться в «УАЗ», чтобы автомобиль не поднимался наверх в третий раз. Он должен вывезти наших женщин и успеть в город до вечера.

– Нас семеро мужчин, – напомнил Дронго, – вместе с водителем будет восемь человек. Мы не поместимся в машину. Нужно забросить туда продукты и подниматься пешком. Я только прошу включить в экипаж моего друга. Он перенес тяжелую операцию и не сможет идти пешком.

– Я уступлю ему свое место, – вызвался Буянов.

– Не нужно, – нахмурился Вейдеманис. – Я пойду пешком.

– Нет, – твердо возразил Дронго, – ты поедешь в машине. Тебе нельзя переносить такие нагрузки после операции.

– Я тоже пойду пешком, – вызвался повар.

– Не стоит, – сразу сказал Мамука, – я вам уступаю свое место.

– И я, – вмешался художник, – мы можем подняться пешком.

– Столько благородства, чтобы пройти под дождем несколько минут! – язвительно сказал Погорельский. – Может, нам лучше вообще отказаться от этой машины?

– Нужно перевезти продукты, – напомнил Дронго. – Я думаю, что к вечеру дождь не кончится. Обещали штормовую погоду, и, возможно, нам придется провести там всю ночь.

– Только этого не хватало! – нахмурился режиссер. – Тогда я сразу вернусь в город.

– Не сейчас. – Дронго подошел к окну. Быстро темнело, а дождь лил словно из ведра. Иногда слышались раскаты грома.

– Я приготовлю продукты, – вышел из столовой Гасан.

Квачадзе и Сахвадзе отправились в номера, чтобы собрать вещи. Дронго и Вейдеманис также прошли к себе в комнату, чтобы взять самое необходимое.

– Напрасно ты относишься ко мне как к больному, – мрачно заметил Вейдеманис. – Врачи считают, что, кроме моего хриплого голоса, у меня нет других аномалий.

– Вот и прекрасно. А я не хочу, чтобы они у тебя появились. Не забывай, что у тебя есть дочь, которую ты обязан выдать замуж.

– Надеюсь, что она решит этот вопрос без меня, – улыбнулся Эдгар.

– Ну и напрасно надеешься. Она тебя обожает, и ты для нее главный советчик в жизни. Если самоустранишься, найдутся другие советчики. Я ведь не говорю, чтобы ты искал ей

парня. Я только думаю, что ты можешь ей помочь своими советами. В таком возрасте молодые девушки в этом очень нуждаются.

Они уже выходили из комнаты, когда услышали громкий голос Мамуки. Он убеждал своего друга-художника:

– Зачем тебе нужно все рассказывать?! Это совсем не обязательно.

– Я не могу, – нервно заявил художник, – просто чувствую, что не могу. Мне кажется, что я обязан был сделать это давно. Но у меня не хватило мужества.

– А сейчас должно хватить ума, – нервничая, произнес Мамука. – Выбрось все из головы и собирай свои вещи. Иначе я вообще не буду с тобой разговаривать!

Оставшийся в столовой Погорельский сказал, обращаясь к Буянову:

– Кажется, нам придется провести в обществе этих людей весь день. Надеюсь, что они не будут нам очень докучать.

– Они ваши поклонники, – равнодушно напомнил Буянов.

– На расстоянии все видится иначе, – ухмыльнулся режиссер. – Лучше бы они меня вообще не знали. Так спокойнее. А теперь придется весь день и, возможно, всю ночь провести в обществе своих поклонников. Представляю, какими идиотскими вопросами они нас будут закидывать!

Буянов хотел что-то возразить, но затем передумал и промолчал. Ему было неприятно не только спорить, но и вообще разговаривать с режиссером.

Через несколько минут мужчины снова собрались в столовой. Ветер усиливался с каждой минутой. Здание скрипело, отзываясь таким необычным образом на порывы ветра. Подъехавшая к санаторию машина остановилась, и водитель, съездившись, бросился к дому.

– Быстрее! – закричал он. – Через полчаса не сможем проехать. Такой ливень, что по дороге не подняться. Напрасно мы отвезли женщин наверх. Нужно было вызывать вертолеты и вывозить всех отсюда...

– Какие вертолеты? – перебил его повар. – Не говори глупостей. В такую погоду в горах нельзя использовать вертолеты. Они разобьются. Давай грузить продукты, иначе действительно не успеем. Тебе еще нужно вернуться в город.

Мужчины начали помогать выносить мешки. Когда заднее сиденье было почти все занято мешками, Гасан наконец кивнул рукой, показывая, что все продукты погружены. Водитель обернулся к мужчинам:

– Кто поедет со мной?

– Вейдеманис, – сразу показал на своего друга Дронго.

– Нет! – крикнул тот. – Я пойду пешком. У меня есть теплая куртка.

Дронго взглянул на Вейдеманиса. Мужчине иногда нужно бросить вызов самому себе, чтобы испытать свои силы. Дронго понял состояние друга и не стал настаивать.

– Мы пойдем с вами, – решительно сказал Отари. – Нельзя сильно нагружать машину. В такую погоду это небезопасно. Пусть поедут кинематографисты – у них нет теплой одежды.

– Здесь недалеко идти, – показал водитель в сторону Мархала, – минут двадцать, не больше.

– Тем более, – кивнул художник. – Если вы позволите, я положу к вам свою картину. Хочу закончить ее сегодня ночью. И свои кисти.

– Кладите, – засмеялся водитель, махнув рукой, – только быстрее.

– Я пойду с вами, – предложил Гасан. – А наши гости из Москвы могут поехать в машине.

– Вы ставите нас в неудобное положение, – нахмурился Погорельский. – Почему вы считаете, что именно мы должны воспользоваться вашим предложением?

– У вас легкая вельветовая куртка, – пояснил Отари, – а у вашего спутника вообще нет теплых вещей. Мы здесь отдыхаем несколько дней и знаем, что вечера бывают холодными.

Поэтому у нас есть теплые вещи. Лучше не спорьте. Будет правильно, если вы поедете с нашим водителем. А ваш актер поможет разгрузить машину.

– Я бы лучше пошел с вами, – несмело сказал Буянов.

– Вам лучше поехать в машине, – возразил Дронго. – Водителю действительно понадобится помощь. Иначе он не успеет вернуться в город.

– Хорошо, – кивнул Буянов, – я согласен.

– А мы пойдем пешком, – громко сказал Мамука, восторгаясь собственным великодушием.

– Мы должны уходить, – напомнил Гасан, глядя на небо.

Погорельский не стал больше спорить, очевидно, согласившись с подобным раскладом. Отари принес свою картину, завернутую в холст, положил небольшой чемоданчик, краски. Погорельский уселся рядом с водителем, Буянов с трудом поместился на заднем сиденье. Машина тронулась и довольно быстро исчезла в тумане. Снова раздались раскаты грома. Мамука оглянулся по сторонам и поежился. Похоже, он уже сожалел о своем благородстве.

У повара был длинный плащ, а у остальных четверых – куртки типа штормовки. Все подняли воротники и поспешили наверх, туда, где скрылась машина. Идти было тяжело с первых шагов. Не только сильный дождь, но и порывистый ветер буквально сбивали с ног. В некоторые мгновения приходилось пригибаться почти к земле, чтобы сохранить равновесие.

Они прошли примерно половину пути, когда показалась машина. Водитель остановил ее и испуганно оглядел группу уставших мужчин.

– Садитесь, я успею вас довезти, – предложил он.

– Нет, – возразил Гасан, как самый старший из группы, – ты не успеешь добраться до города. В санатории остались три женщины, наши работницы. Забери всех и уезжайте. Только очень осторожно, на реке может начаться наводнение. Дождь сегодня очень сильный.

– Хорошо! – крикнул водитель. – Я доеду до города и скажу, чтобы вам прислали помощь.

– Не нужно пытаться добраться до города! – прокричал в ответ Гасан. – Лучше оставайся в деревне, на этом берегу реки. На другую сторону уже не попадешь. Ты меня понял?

– Посмотрим! – закричал водитель.

Машина во второй раз скрылась за плотной завесой дождевого тумана, и пятеро мужчин продолжили свой тяжелый путь наверх. В обычные дни дорога к дому занимала гораздо меньше времени, но в такую погоду идти было очень тяжело. Они уже различали очертания здания, когда случилось несчастье. Повар вдруг всплеснул руками, неловко оступившись, сделал шаг назад, попал в лужу и рухнул на дорогу, подвернув под себя другую ногу. Он с размаху всем телом сел на вытянутую ногу и громко вскрикнул. Дронго бросился к нему. Вейдеманис, которому было тяжелее всех, хрипло дыша, подошел следом.

Гасан лежал на дороге, закрыв глаза. Когда подбежали Отари и Мамука, Дронго попытался с помощью остальных повернуть несчастного на спину. Тот в ответ застонал, приходя в себя.

– У него сломана нога, – устало сказал Дронго. – Придется нам втроем его нести.

– Вчетвером, – упрямо возразил Вейдеманис. – Я помогу вам.

– Сейчас не время спорить. Гасана нужно отнести в дом. Снимем с него плащ и отнесем на нем к дому.

– Может, позвать остальных? – предложил Мамука, с сомнением глядя на грузного повара, лежавшего на земле.

– А его оставить под дождем? – строго спросил Дронго. – Давайте его поднимать. Нам осталось идти метров пятьдесят или сто.

Никто не стал больше спорить, и они с трудом стащили плащ с несчастного. Повар был действительно грузным человеком, и следующие шаги были очень трудными. Вдобавок ко всему ветер усилился и перешел в настоящий шторм.

– Нужно было позвать мужчин, – бормотал Мамука.

Остальные молчали. Когда наконец они оказались почти у дома и остановились на мгновение, чтобы передохнуть, Мамука достал платок, который был абсолютно мокрым, вытер лицо, выжал платок и сказал, укоризненно качая головой:

– Нужно было собрать всех мужчин. Быстрее бы донесли. У меня жена – врач, она бы помогла.

– Давайте быстрее внесем повара в дом, – прервал эти причитания Дронго. – Нужно, чтобы ваша жена его осмотрела.

Они снова подняли повара, который оставался без сознания, и через несколько минут были уже у дома. На их громкий стук им почти сразу открыли дверь. Они внесли тело в дом под испуганные восклицания со всех сторон. Ни один из них даже не подозревал, что все самое страшное еще впереди...

Глава третья

Двухэтажный особняк был построен в дни благоденствия, когда казалось, что советская власть утвердилась в этих местах всерьез и надолго. Тогда здесь отдыхали только гости первых секретарей, которым разрешали вкушать отдых небожителей. Но ничто не вечно под Луной. Советская власть исчезла, первых секретарей больше не было, имущество частично разворовали, но сам дом все равно остался символом прежних времен. Большой массивный двухэтажный особняк был предназначен для элитных гостей.

На первом этаже располагались просторная гостиная и небольшой зал с камином, где стоял бильярд. К дому примыкала специально построенная сауна, отделанная мастерами из столицы. На втором этаже находились три спальные комнаты и кухня, где готовилась еда для гостей. Тут же была большая веранда, где гостям нравилось сидеть в погожие дни, наблюдая за прекрасным пейзажем, открывавшимся с горы.

Мужчины внесли Гасана и подняли его в спальную комнату, в которой жил один из приехавших гостей. В каждой спальне стояли две кровати, и повара уложили на одну из свободных кроватей, чтобы его могла осмотреть супруга Мамуки Сахвадзе. Эта спальня находилась в правом крыле здания. Нани сразу осмотрела несчастного повара. Она подтвердила худшие опасения – у Гасана была сломана нога. Нани ощупала ногу все еще лежавшего без сознания повара и покачала головой:

– Похоже на закрытый перелом. Нужно срочно вызывать помощь.

– Каким образом? – услышал Дронго за своей спиной. Он обернулся. На пороге стоял неизвестный ему мужчина. Ему было лет сорок. Среднего роста, худощавый, темноволосый. Брови почти срослись на переносице, кривой нос походил на ятаган турецкого янычара, темные пышные усы дополняли его облик.

– Кто вы? – спросил Дронго.

– Меня прислали к гостям, – пояснил неизвестный. – Я Мехти Алиев, работаю на нашем шелковом комбинате.

– Очень хорошо, – кивнул Дронго. – Как быть с пострадавшим? Вы его знаете?

– Конечно, знаю, – усмехнулся Мехти. – Это мой дальний родственник. Нужно вызвать врача, но у нас не работает телефон. Наверное, ветер порвал провода.

– У нас есть врач, – показал на Нани Сахвадзе Дронго, – но нам нужна помощь. У нее нет лекарств. Его следует отвезти в больницу.

– Я детский врач, – пояснила Нани. – Я одна не справлюсь.

– У вас нет рации? – спросил Дронго.

– Здесь никогда не держали рацию, – ответил Мехти.

– Может, мобильные телефоны работают? – с надеждой уточнил Эдгар Вейдеманис.

– Не работают, – развел руками Мехти. – Ни один мобильный телефон здесь не работает. Горы мешают. Нужно спуститься немного ниже, там еще телефоны могут работать. Но в такую погоду врачи к нам не доберутся.

– Вы хотите, чтобы он умер? – разозлился Вейдеманис.

– Нет, конечно, – испугался Мехти. – Вы думаете, это так серьезно?

– Ему очень плохо, – подтвердила Нани Сахвадзе, сидевшая у постели. Рядом стояла супруга Отари Квачадзе, готовая помочь подруге. Остальные столпились у входа в спальню.

– Я оденусь и спущусь вниз, – предложил Мехти. – Постараюсь найти врача. Но мы вернемся не скоро, примерно часа через три или четыре.

– У вас есть снотворное или болеутоляющее? – спросила Нани.

– Есть аптечка, – вспомнил Мехти. Он вышел из спальни и скоро вернулся с аптечкой в руках. Нани нашла там солпадеин и аспирин.

– Надеюсь, это ему немного поможет, – сказала она, бросая таблетку в стакан воды, который принес кто-то из мужчин.

Гасан застонал, когда врач подняла ему голову. Повар все еще не пришел в себя после болевого шока, но Нани, поддерживая голову несчастного, заставила его выпить содержимое стакана, после чего Гасан опять застонал и попытался вытянуть ногу.

– Я постараюсь сделать ему хоть какую-нибудь повязку, – сказала Нани. – Вы мне пока не нужны. Людмила останется и поможет мне.

– Хорошо, – согласился Дронго, вышел в коридор и спустился в гостиную. Кроме пришедших с ним мужчин, там находились и неизвестные ему люди. За столом сидел пожилой незнакомец лет шестидесяти. У него были редкие седые волосы, доброе лицо, небольшие усы, тонкой щеточкой выделявшиеся под большим носом, и живые подвижные глаза. Взглянув на Дронго, он усмехнулся:

– Хорошо, что сумели добраться сюда в такую погоду. Я думал, вы уже не придете. У нас в горах бывают похожие ураганы, но только зимой.

– Вы из Таджикистана? – понял Дронго.

– Да, – кивнул незнакомец. – Мы приехали сюда сегодня и попали под такой дождь. Я работаю заместителем руководителя налоговой полиции республики. Моя фамилия Усманов. Рахман Усманов. А это мои друзья. Мой помощник Олег Шарай, – показал он на высокого худого мужчину лет тридцати, с длинной шеей и выпирающим кадыком. У помощника было квадратное белое лицо и немного выпученные глаза.

Второй спутник Усманова был постарше – лет сорока или около того. У него был абсолютно лысый череп, широкие плечи, мощные бицепсы – он казался борцом, недавно покинувшим ковер. На черепе красовался большой шрам, начинавшийся над правым ухом и заканчивающийся на затылке. Он стоял у окна, мрачно глядя на разбушевавшуюся стихию.

– Алтынбай Нуралиев, – представил его Усманов, – один из руководителей нашей оперативной службы. Мы приехали сюда в порядке обмена опытом с нашими азербайджанскими друзьями.

Нуралиев кивнул головой, ничего не сказав. Дронго прошел к столу и сел рядом с Усмановым. Рядом устроился Вейдеманис. Он тяжело переживал случившееся несчастье, словно сам был виноват в произошедшем. Отари и Мамука разместились на диване у камина.

Сверху спустился Семен Погорельский. Он был явно недоволен.

– У наших женщин истерика, – сказал он, обращаясь к Дронго, словно тот был старшим в их группе. – Они не хотят больше здесь оставаться. Требуют, чтобы мы отправили их вниз.

– В такую погоду? – спросил Дронго. – Вы же видите, что творится!

В гостиной снова появился Мехти. Он уже оделся в армейскую меховую куртку. На ногах были тяжелые ботинки. В руках он держал винтовку.

– Я оставлю здесь свое оружие, – сказал он, отставив винтовку в угол. – Постараюсь вернуться пораньше.

– Может, мы пойдем с вами? – спросил Погорельский.

Мехти с удивлением оглянулся на режиссера.

– Вы хотите пойти со мной?

– Не я лично, а наша группа.

– Женщины? – изумился Мехти. – В такую погоду?

– У них сдают нервы, – пояснил режиссер. – Неужели ничего нельзя сделать? И мобильные телефоны не работают.

– Они и в хорошую погоду здесь никогда не работали, – сказал Мехти, – поэтому не пытайтесь звонить. Лучше отдохните и подождите меня. Продукты есть на кухне. Вы можете попросить женщин, чтобы они приготовили вам ужин. Сейчас половина девятого. Я надеюсь, к двум или трем часам ночи мы вернемся. Может быть, даже раньше.

– При чем тут продукты? – разозлился режиссер. – О чем вы говорите? Нам нужно вниз, в наш санаторий. Там наша группа, неужели вы ничего не понимаете?

– Не понимаю, – искренне ответил Мехти, – извините меня.

По-русски он говорил хорошо, но с сильным акцентом.

– Чего вы не понимаете?! – закричал режиссер. – Мы не можем сидеть здесь и ждать, пока кончится дождь. Нам нужно вниз, в наш санаторий.

– У меня нет машины, – немного подумав, ответил Мехти. – И я не знаю, когда она будет, – добавил он, выходя из дома.

Наступило неловкое молчание.

– Проклятие! – прошипел Погорельский.

В гостиную спустился Сергей Буянов. Он вышел к мужчинам и молча сел на стуле в углу, недалеко от дивана.

– Что там с женщинами? – спросил Дронго.

– Ничего, – ответил Буянов. – Кажется, у Кати сдали нервы. Она плачет и требует, чтобы ее увезли отсюда.

– Наверное, боится дождя, – улыбнулся Усманов. – Кстати, мы знаем только ваши имена, а вновь прибывшие еще не представились.

– Да, конечно, – кивнул Дронго. – Это мой друг Эдгар Вейдеманис. А на диване сидят отдыхавшие вместе с нами Отари Квачадзе – он очень талантливый художник, я видел его картины – и Мамука Сахвадзе, он работает в налоговой службе Грузии.

– Значит, мы коллеги, – обрадовался Усманов. – Интересно, что мы случайно встретились именно здесь.

– Да, – кивнул Мамука, – очень приятно. Прямо маленький интернационал.

– Бывший Советский Союз, – засмеялся Усманов. – Мы с Алтынбаем таджики, хотя у меня мать узбечка. Мой помощник – украинец. Вы двое из Грузии, наши кинематографисты из России, а ваш друг, кажется, из Латвии, – сказал он, обращаясь к Дронго.

– Еще повар, он азербайджанец, – напомнил Мамука.

– Да, действительно, – кивнул Усманов. – Полный комплект.

– Я белорус, – вдруг сказал Погорельский, – а у Толдиной мама – полька.

– Ну вот видите, – развел руками Усманов, – все народы представлены. Только вы не сказали, как вас зовут, – обратился он к Дронго. – Вы, кажется, тоже местный?

– Не сказал, – согласился Дронго. – Я родился в Баку, но в последние годы чаще живу в Москве или в Европе.

– Это Дронго, – представил его Вейдеманис, – самый известный в мире эксперт.

– Проводите экспертизу грузов или товаров? – спросил Усманов. – Значит, мы почти коллеги. Вы работаете на таможне?

– Нет, – улыбнулся Дронго, – не на таможне.

И в этот момент на лестнице показалась Нани, спускавшаяся в гостиную. Она явно нервничала.

– У него закрытый перелом, – сообщила она мужчинам. – Сейчас он спит, но нам нужна помощь. Кажется, у него поднимается температура.

– Только этого не хватало, – нахмурился Мамука. – Ты не можешь ему ничем помочь? – спросил он по-грузински.

– Я сделала все, что можно, – ответила она.

– Мы в силах облегчить его состояние? – поинтересовался Усманов.

– Пока нет, – сказала Нани, – он спит. Будем надеяться, что помощь подоспеет вовремя.

Следом за ней по лестнице спустилась Людмила. Она подошла к мужу, взяла его за руку и села рядом с ним.

– Нас здесь тринадцать человек, – неожиданно сообщил Мамука, – прямо дьявольское число.

– Четырнадцать, – возразила его супруга.

– Что? – не понял Мамука. – Почему четырнадцать?

– Ты не посчитал раненого, – пояснила ему жена. – Вместе с ним – четырнадцать.

– Тогда не так страшно! – засмеялся Мамука. – В этом доме есть карты или какой-нибудь телевизор?

– Телевизор есть, но плохо показывает, – пояснил Шарай, кивая на телевизор в углу. – У нас есть видеоманитофон и несколько кассет.

– Можно включить телевизор! – обрадовался Мамука. – Будет не так скучно.

– Есть еще нарды и карты, – добавил Шарай.

– Тогда все в порядке, – улыбнулся Мамука, – мы неплохо проведем время. Только нужно поужинать. Я хотел бы перекинуться в картишки. Кто хочет играть?

Все молчали.

– Я, – сказал в полной тишине Погорельский, – я буду играть с вами в карты.

– А ты? – спросил Мамука у Отари. – Может, будешь моим напарником?

– Нет, – не согласился художник. – Я лучше поработаю над картиной. В такую погоду мне хорошо работается.

– Вы будете играть? – спросил Мамука, обращаясь к Усманову.

– Я верующий человек и не признаю азартные игры, – ответил тот, – но нарды уважаю.

– Я буду вашим напарником, – предложил Буянов явно для того, чтобы не играть вместе со своим режиссером. Тот покачал головой и взглянул на Вейдеманиса.

– Может, вы?

– Хорошо, – согласился Вейдеманис, – я буду вашим партнером.

– А мы сыграем в нарды с Олегом, – позвал своего помощника Усманов. – Он уже несколько лет живет у нас, и нарды ему очень нравятся.

– И включите телевизор, – попросил Мамука, – пусть играет хоть какая-нибудь музыка. Будет не так жутко.

Шарай подошел к телевизору, включил его. Нажал кнопку видеоманитофона, вставляя кассету. На экране замелькали кадры фильма. Это была очередная серия «Звездных войн». Мамука усмехнулся, доставая колоду карт. Отари пошел к лестнице, чтобы подняться на кухню и забрать свою картину.

Алтынбай уселся на диване, доставая газету. Он явно не собирался присоединиться к играющим. Усманов легко поднялся. Несмотря на свой возраст, он сохранил подвижность. Взяв нарды, он кивнул Олегу Шараю, приглашая его следовать за ним.

– Пойдем в бильярдную? – спросил Шарай.

– Хорошо, – согласился Усманов.

Они вышли в соседнюю комнату. Четверо игроков в карты расселись вокруг большого стола.

– Может, женщины приготовят нам пока ужин? – спросил Мамука, глядя на свою супругу.

– Хорошо, – кивнула Нани. – Людмила, идем вместе со мной.

– А ваши подруги все еще в спальне? – спросил Мамука, обращаясь к Погорельскому.

– Бабья истерика, – пробормотал тот, нахмурившись, и достал свою трубку, – но если хотите, я попрошу Сергея их позвать.

– Да, – кивнул Мамука. – Боюсь, что нашим женщинам это будет сложно – приготовить одним ужином столько человек.

– Не думаю, что наши актрисы умеют готовить ужин, – пробормотал Погорельский. – Впрочем, можно попробовать. Сережа, поднимись наверх и предложи нашим девочкам помочь женщинам.

– Вы думаете, Толдина будет готовить? – с сомнением в голосе спросил Буянов.

– Не знаю, – раздраженно ответил режиссер.

Буянов вздохнул и вышел из-за стола, чтобы пройти к лестнице и подняться наверх. Дронго проводил его взглядом. Он сидел на диване рядом с молчавшим все время Алтынбаем Нуралиевым. Тот равнодушно смотрел на экран телевизора, словно его ничто не интересовало. Из соседней комнаты слышался стук падающих игральные костей. В нардах их называли «зарями». Удары по доске слышались через каждые несколько секунд, очевидно, игроки были очень увлечены.

Буянов вернулся через минуту. Он подошел к столу и сел напротив Мамуки.

– Она обещала помочь, – коротко сообщил он режиссеру.

– Да? – удивился Погорельский. – Я не ожидал от нее такой прыти. На съемках она постоянно проявляет свой характер. А как Катя?

– Ей плохо. Она лежит на кровати – кажется, заснула.

– Слава Богу! В таком возрасте истерики обычное дело. Говорят, что у женщины тридцать лет – самый критический возраст. А ей, кажется, двадцать восемь. Может, из-за того, что она до сих пор не вышла замуж?

– Не знаю. – Буянову был явно неприятен этот разговор.

Алтынбай поднялся. Ему было скучно смотреть на мелькавшие звездолеты. Свою газету он, очевидно, уже прочел. Ни слова не говоря, он пошел к лестнице.

– Куда вы идете? – спросил Мамука, сдавая карты.

– К себе, – ответил Алтынбай. У него был низкий голос.

– В вашей спальне лежит повар, – пояснил Мамука. – Мы пронесли его в первую комнату, которая была справа от лестницы. Мехти сказал нам, что это ваша.

– Ничего, – успокоил Алтынбай, – рядом комната Олега. Я полежу там. Рахман-ака отдал свою спальню актерам. Ничего страшного. Я только заберу свою книгу.

Дронго удивленно поднял бровь. Интересно, какую именно книгу читает этот малоразговорчивый человек, похожий на борца?

– Только возвращайтесь! – крикнул Мамука. – Мы будем вместе ужинать.

Алтынбай кивнул в знак согласия. Игроки продолжали с азартом сражаться в карты, в соседней комнате громко бросали кости Усманов и Шарай. Дронго смотрел в экран телевизора. В отличие от остальных ему нравился фильм Лукаса как некая игра, у которой были свои правила. Дронго всегда любил фантастику, и особенно американских мастеров этого жанра второй половины века, а фантастический фильм Лукаса был некой пародийной компиляцией многих подобных произведений. Так продолжалось около пятнадцати минут, пока вниз не спустилась Нани.

– Скоро ужин будет готов, мы уже почти закончили, – сказала она, обращаясь к мужу, – но у нашего повара сильный жар. Я боюсь за него. И ничем не могу ему помочь. Людмила все время дежурит у его кровати.

– Мы можем что-нибудь сделать? – спросил Мамука.

– Нет, – ответила Нани, – нужно болеутоляющее. Он начал приходить в себя. А здесь самое сильное лекарство – это солпадеин. Его явно недостаточно.

– И что вы предлагаете? – спросил Вейдеманис.

– Спиртное, – пояснила Нани. – Это должно на него подействовать. Нужно дать ему выпить. Может быть, он выпьет и снова заснет. Хотя бы до прихода врачей. Но нам неудобно предлагать ему подобное «лекарство».

– Я пойду с тобой, – сказал Мамука. – На кухне есть спиртное?

– Очень много, – кивнула жена, – запасов хватит на несколько дней для всех желающих. Даже грузинское вино есть.

– Превосходно! – обрадовался Мамука. – Значит, будет не так скучно ждать. Я сейчас вернусь, – обратился к остальным мужчинам, вышел из-за стола и направился к лестнице за супругой.

Дронго поднялся следом за ним. Подумав немного, он подошел к бильярдной, деликатно покашлял, перед тем как войти, и толкнул дверь, которая сначала не поддавалась. Он толкнул ее снова и затем постучал.

– Войдите! – крикнул Усманов. – Дверь открыта! Толкните сильнее. Она заедает.

Дронго толкнул сильнее. Дверь открылась. Усманов сидел спиной к ней. Он обернулся и улыбнулся:

– Эти двери давно нужно менять. Кажется, здесь и окно протекает. Ничего страшного, но неприятно. А дверь мы прикрыли потому, что оттуда сильно дует. Наши картежники еще играют?

– Играют, – кивнул Дронго.

Он заметил у кармана Шарая небольшое пятно.

– Осторожнее, – предупредил Дронго, – у вас пятно на брюках.

– Когда нес чай, немного пролил, – улыбнулся Шарай.

Он взял кости в руки и посмотрел на Дронго, очевидно ожидая, что тот либо выйдет, либо присоединится к ним. Он чуть помедлил и бросил кости. Дронго взглянул на результат.

Две четверки. Шарай посмотрел на Усманова. Тот обернулся к Дронго:

– Вы хотите сыграть?

– Нет, – улыбнулся Дронго, – спасибо, не хочу.

Он повернулся и вышел из комнаты, прикрывая за собой дверь. В гостиной работал телевизор, а сидевшие за столом Вейдеманис, Погорельский и Буянов ждали Мамуку Сахвадзе, который уже спускался сверху по лестнице.

– Все в порядке, – радостно сообщил он. – Я уговорил Гасана выпить два стакана неразбавленного виски. Ему даже можно делать операцию после такой порции, и он ничего не почувствует.

Мамука прошел мимо Дронго и сел за стол, собирая колоду карт со стола. Дронго повернулся и пошел к лестнице. Он медленно поднялся на второй этаж. Послышался какой-то шум. Дронго прошел в конец коридора, где был выход на веранду. Около двери стоял Отари, который разместил здесь свою картину. Светильник находился прямо над картиной.

– Вам здесь удобно работать? – спросил Дронго. Он взглянул на ботинки художника. Они были мокрые.

– Я иногда выхожу на веранду, – признался Отари. – Меня такая погода вдохновляет.

Дронго взглянул на картину. Отари работал, используя композиции символистов. Вероятно, художник не был реалистом. На темном фоне картины пересекавшиеся линии, очевидно, символизировали дождь, а размазанные фигуры внизу напоминали распластанных по земле людей и животных.

– У вас мрачная картина, – заметил Дронго.

– Жизнь вообще мрачная штука, – сказал Отари. – Разве вы не находите?

– Нет, – ответил Дронго. – Мне так не кажется.

Он повернулся и пошел обратно. Дошел до кухни, заглянув в нее. К его удивлению, Толдина стояла у плиты. Дронго невольно сделал шаг вперед. Актриса обернулась.

– Это вы? – произнес Дронго.

– Думаете, что я не умею готовить? – с вызовом спросила Толдина.

– Нет. Но мне казалось, что актрисы вашего ранга несколько избалованны. Очевидно, это не слишком умное мнение, которое распространено о хороших актрисах. Считается, что они не могут быть хорошими хозяйками.

– Вы изменили свое мнение? – улыбнулась она.

– Теперь да, – кивнул он. – Как ваша подруга?

– Плохо, – призналась Толдина. – Она в таком подавленном состоянии. Непонятное чувство страха и депрессии. Может быть, погода так действует на ее нервы? Она, правда, заснула, но я беспокоюсь за нее. В таком состоянии я ее никогда не видела.

– Наверное, погода, – согласился Дронго, и в этот момент на кухню ворвалась Нани.

– Нужно скорее заканчивать, – сказала она. – Слава Богу, наш повар уснул. Мамука дал ему шотландское виски, и тот выпил два стакана как миленький.

Дронго понял, что может помешать, и деликатно вышел. Когда Толдина обернулась, его уже не было. Дронго прошел по коридору, дверь в спальню была открыта. Он заглянул в комнату. На кровати лежал уснувший Гасан. Людмила сидела рядом. Дронго хотел позвать молодую женщину, но решил ее не беспокоить. Она не обернулась, когда скрипнула дверь, и он отступил назад в коридор, чтобы пройти к следующей комнате. Отари работал рядом со спальней Олега Шарая, и там должен был находиться Алтынбай. А в следующей спальне, очевидно, спала Катя. Интересно, почему дождь так действует на молодую женщину?

Он толкнул дверь, которая легко поддалась. Дронго взглянул на кровать. Свет с веранды падал прямо на лицо молодой женщины. Дронго сделал шаг вперед – ему не понравилась ее поза. Еще один шаг, следующий. Он медленно протянул руку и дотронулся до молодой женщины.

– Вы спите? – спросил он, уже зная ответ.

Молодая актриса не спала. Она лежала в неестественной позе, откинув голову назад. Никаких сомнений: несчастная была мертва. Дронго сделал несколько шагов назад и включил свет. Затем он снова подошел к лежавшей на кровати женщине. Он увидел характерные следы на шее: молодую женщину задушили. Дронго дотронулся до ее лба. Тело было еще теплое. Очевидно, убийство произошло совсем недавно. Он медленно опустился на стул.

«Только этого не хватало», – подумал Дронго, и в этот момент дверь в комнату кто-то открыл.

Глава четвертая

На пороге стояла Толдина. Она взглянула на лежавшую женщину, потом медленно повернула голову в сторону Дронго. Он сидел на стуле и мрачно смотрел на нее. Очевидно, она прочла нечто такое в его взгляде, что заставило ее поверить в невозможное. Она сделала шаг к убитой. Еще один шаг. И с ужасом взглянула на свою подругу.

– Катя, – дрожащим голосом позвала она, – Катенька! – В это мгновение она еще раз повернулась к Дронго. У нее вмиг изменилось лицо, словно сползла маска сильной, уверенной в себе женщины, которую она носила. Дронго почувствовал, что еще мгновение – и она завоет, закричит на весь дом, привнося и в без того нервную обстановку некий заряд ужаса. Он успел вскочить со стула и, метнувшись к женщине, зажать ей рот как раз в тот самый момент, когда крик готов был вырваться. Она закричала, но его большая ладонь уже закрыла ей рот. Второй рукой он придерживал ее и, очевидно, этим еще больше испугал женщину. Все ее попытки вырваться ни к чему не привели. Вероятно, она кричала, считая Дронго убийцей, но ему было важно заглушить именно этот первый крик, сдержать первый порыв.

– Успокойтесь, успокойтесь! – уговаривал он женщину, которая все еще пыталась вырваться из его рук. Наконец она чуть обмякла. Он осторожно убрал ладонь. – Только не кричите, – попросил он. – Сейчас мы позовем людей и попытаемся выяснить, что именно произошло.

– Зачем вы ее убили? – тяжело дыша, спросила Толдина.

– Я ее не убивал, – ответил Дронго. – Зачем мне убивать вашу подругу? Я только сегодня утром впервые в жизни ее увидел. Даже когда мы пришли, я ее не видел. Зачем мне ее убивать?

– Она умерла? – все еще не веря даже самой себе, спросила Наталья.

– К сожалению, да. И боюсь, что умерла не сама. Судя по всему, ей помогли... Только не кричите. Кто-то проник в комнату и задушил ее.

Толдина подошла к постели и наклонилась над убитой. Вид мертвой явно бил ее по нервам. Она отвернулась.

– Не кричите, – еще раз попросил Дронго. – У всех и так нервы напряжены из-за подобной обстановки, а вы своим криком только усугубите общую нервность. Нужно спокойно собрать мужчин и разобраться, что именно произошло.

– Почему мужчин? – механически спросила Наталья. – Вы не думаете, что ее могла убить женщина?

Он уже поворачивался, чтобы выйти, но ее вопрос заставил его остановиться. Дронго обернулся к актрисе.

– Нет, – сказал он. – Не думаю, что это женщина. Вернее даже, я убежден, что не женщина. Ее задушили, сломав шейные позвонки, а на такое ни одна из наших женщин не способна. Это был мужчина, – уверенно сказал он и вышел из спальни.

В коридоре стоял Отари Квачадзе. Художник вопросительно взглянул на Дронго.

– Что случилось? – спросил он. – Я слышал какие-то сдавленные крики. Или мне показалось?

– Там убили женщину, молодую актрису, – хмуро пояснил Дронго.

– Как это убили? – не понял Отари. – О чем вы говорите?

– Можете войти и убедиться. Вы давно здесь работаете?

– Минут тридцать – сорок. А почему вы спрашиваете?

– Тогда убийца должен был пройти мимо вас. Кто из мужчин заходил в комнату, где была Катя Шевчук?

– Ее убили? – изумился Отари. – Но почему? Зачем?

– Этого мы пока не знаем. И не нужно нервничать. Лучше позовите женщин, нужно постараться успокоиться и понять, что именно произошло. Вы не помните, кто именно проходил мимо вас?

– Этот таджик проходил, кажется, в свою комнату. Его зовут Алтынбай, если не ошибаюсь. Наши женщины все время ходили туда-сюда. Мамука был. И вы. Больше никого.

– Ясно. Позовите женщин. И скажите, чтобы они не волновались. Все самое страшное уже произошло.

– Конечно, конечно. А вы уверены, что ее... Ах да, извините. Сейчас позову.

Отари повернулся и двинулся на кухню. Дронго прошел в конец коридора, где работал художник. Он дотронулся до холста. Сырое полотно, свежие краски. Художник, безусловно, работал. Но как он мог не заметить возможного убийцу? Или он был так увлечен работой? А может быть, убийца кто-то из пришедших?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.